

МАГИЯ ЛУНЫ В ТЕКСТЕ ДИАВОЛИЧЕСКОГО СИМВОЛИЗМА

В статье предлагаются результаты исследования специфики реализации представлений диаволического символизма о магической составляющей лунарной символики. На материале поэтического текста крупнейших представителей раннего русского символизма К. Бальмонта, В. Брюсова, Ф. Сологуба рассматриваются такие особенности магии луны, как непостижимость и несокрушимость ее силы, связь с опасностью, переступанием через запреты, смертоносный потенциал.

В ряду основных значений образа луны в тексте художественной культуры практически каждое демонстрирует выраженный мистический акцент, что вполне объяснимо: так называемая «магия луны» имеет архаическую природу, подтверждаемую широким спектром вариантов отражения суждений о ней в мифологических представлениях человека. Важнейшим фактором формирования архаической символики луны является ее изменчивость, способность к перерождению. М. Элиаде отмечает, что «метафизический удел Луны в том, чтобы жить, оставаясь в то же время бессмертной, познавать смерть как отдых и возрождение, но не как абсолютный конец. Именно с этой судьбой и пытается «солидаризироваться» человек посредством всевозможных мифов, ритуалов и символов, в которых сосуществуют сакральные значения Луны...» [1]. Литературоведение 18 В художественной реальности диаволического символизма, или С1 в терминологии А. Ханзена-Леве, где луна выступает как объект вдохновения и благоговения, источник жизни и обновления мира, практически весь семантический спектр этого образа пронизан мощным негативным потенциалом, направленным на человеческую судьбу. В мире диаволического символизма луна не выполняет тех мифологически продуктивных функций, которые закреплены за общепринятой лунарной символикой. Лунный мир диаволизма редуцирован до теней и отражений, луна сохраняет и даже усиливает свою сакральность и силу внушения, но эта сила деструктивна, а чары и колдовская природа «лунной царицы» несут гибель и разрушение. Так, традиционно символика луны включает в себя ее метаморфозную природу, откуда следуют такие качества, как плодовитость, способность к возрождению, обладание бессмертием. В тексте С1 эти качества концентрируются в символическом образе диаволического демиурга – матери-паучихи, сосуществующем с образом луны на условиях смежности, а, зачастую, и взаимозамещения: «Встает луна и паутинит нить...» [2, с. 323] (К. Бальмонт «Последняя заря»). «Интуиция Луны как нормы и закона космических ритмов, как источника жизни, энергии и обновления тклет самую настоящую “паутину”, создает подлинную связь между всеми уровнями космоса, порождая соответствия, аналогии, сходства между разнообразнейшими феноменами» [3], – замечает З. Минц. Луна-паучиха как бы набрасывает свою судьбоносную паутину на подвластную ей Вселенную. Судьба же живых существ, запутавшихся в паутине, предрешена. Особенно показательными в этой связи нам представляются следующие варианты реализации лунарной символики в тексте С1: 1) луна выступает как аллегория диаволической магической силы, непостижимой и несокрушимой: «Луна богата силою внушения, / Вокруг нее всегда витает тайна» [2, с. 114] (К. Бальмонт); «Я томился в чарах лунных...» [4, с. 201] (Ф. Сологуб); 2) магия луны связана с опасностью, переступанием через запреты, зачастую несет смерть: «Где чары сумрака и сна / Уже дышали над востоком, / Входила мертвая луна / Каким-то жаждущим упреком...» [2, с. 68–69] (К. Бальмонт). Примерами текстуальной реализации первого из указанных вариантов могут послужить, например, стихотворения К. Бальмонта «Морская душа», «Восхваление луны» и В. Брюсова «Лунная ночь». Лирическая ситуация стихотворения Бальмонта «Морская душа» связана с изображением магического обряда, проводимого в новолуние: «А когда настанет новолуние, /

Вся изнемогая от тоски, / Бледная Актуальные проблемы филологии 19 влюбленная колдунья /
Расширяет черные зрачки. / И слова какого-то обета / Все твердит, взволнованно дыша, / У нее
глаза морского цвета, / У нее неверная душа» [2, с. 147]. Именно в пору новолуния магическая
сила и власть луны многократно усиливается и медиумически реализует себя в чарах колдуньи,
вершащей свои темные дела. В «Восхвалении луны» среди описания противоречивых черт лунной
царицы ясно предстает одна из ее ипостасей – магическая: «Она холодный свет прольет, / и волю
чарами убьет, / Она сибилла и колдунья. / В душе разъялась глубина, / Душе судьба ее видна, / В
очарованьи новолуния» [2, с. 434]. У Брюсова магическая сила новолуния демонстрирует свою
инфернальную природу не столь откровенно – возможно, это объясняется
«дьяволопонническим» имиджем, принятым на себя в это время поэтом, утверждавшим, что отец
всего сущего – дьявол, и поэтому не видевшим смысла утрировать диаволическую природу
вещей. Символика диаволической магической силы луны в указанном стихотворении проявляется
через характерный мотив «томленья – опьянения»: «Сердца томит он, мысль пьянит он: / Везде –
восторг, во всем – печаль!» [5, с. 354]. Второй вариант реализации лунарной символики в тексте
С1, как уже упоминалось выше, связывается с опасным, запретным, смертоносным характером
«лунной магии». М. Элиаде сравнивает лунный цикл с человеческой жизнью: «Подобно человеку,
Луна имеет свою собственную и весьма драматическую “историю”, ибо ее ущерб, как и дряхление
человека, завершается “смертью”. В течение трех ночей звездное небо остается безлунным, но за
этой “смертью” всегда следует “возрождение”: “молодой месяц”, новолуние. Исчезновение Луны
во мраке, ее “гибель” никогда не бывают окончательными...» [1]. Если для луны смерть – это залог
нового начала, то для человека – либо завершение земной жизни и уход в ничто, либо также
начало нового способа бытия, очищение и переход из земной телесной жизни в идеальный мир
жизни духовной. В преломлении к миропониманию диаволического символизма архаическая
трактовка «смерти» луны как своеобразной аналогии процесса смерти-рождения в человеческом
бытии требует уточнения: смерть человека в реальности С1 осмысливается не как залог спасения,
возможность обретения лучшей жизни, шанс позитивного перерождения, а, скорее, как
завершение земных страданий и уход от них. Смерть иногда осмысливается как ожидаемый поворот
судьбы, предопределение, от которого никуда не деться. Так, у Брюсова, его лирический герой –
маг-ясновидец, Литературоведение 20 посвященный ночи и луне, без труда читает в темном небе
роковые письма: «Ясными рунами вписанный в небе, / Я (астролог беспощадно-жестокий) /
Верно прочел твой мучительный жребий, / Но утаил от тебя эти строки!» [5, с. 18] («Воспоминании
о малюточке Коре»). Смерть в мире диаволического символизма часто воспринимается как
долгожданная желанная избавительница от оков земного бытия. В таком контексте
«погибельная» магия луны обретает черты мистического акта, дарующего несравненное
наслаждение. Так, в стихотворении Брюсова «Я бы умер с тайной радостью...» лирический герой
готов предаться губительным чарам лунной ночи, способным превратить пустую и скучную
обыденность жизни в сладостный сон, зовущийся небытием: «Я бы умер с тайной радостью / В
час, когда взойдет луна. / Овекает странной сладостью / Тень таинственного сна. //
Беспредельным далям преданный, / Там, где меркнет свет и шум, / Я покину круг изведанный /
Повторенных слов и дум» [2, с. 40]. В поэзии диаволистов довольно часто встречается образ
мертвой луны, направленный на синтезирование образов лунных чар и смерти: например, у К.
Бальмонта: «Как мертвое око / Мне светит луна» [2, с. 127] («Льдины»). Метафора «мертвая луна»
часто встречается и в творчестве В. Брюсова. Например, в стихотворении «Еще закат»: «Где чары
сумрака и сна / Уже дышали над востоком, / Выходила мертвая луна / Каким-то жаждущим
упреком» [5, с. 68–69]. В «Терцинах к спискам книг» сопоставляется вечность искусства,
созданного человеком, и скоротечности его жизни, которая сравнивается с умирающей луной.
Лирический герой сознает ничтожность своего бытия перед бессмертием «великого»: «Так остов
говорит мне в тишине, / И я, с покорностью целую землю, / При быстро умирающей луне, /
Исчезновение! твой зов приемлю» [5, с. 119–120]. В стихотворении «Танки» бледность луны
сравнивается с бледностью мертвеца: «Это ты, луна, / Душу мне томишь тоской? / Как мертвец

бледна? / Или милый взор слезой / Омрачился надо мной?» [5, с. 457–458]. В лирике Ф. Сологуба также встречается образ мертвой луны, который несет выраженный негативный потенциал: «Они цвели во мгле полночных волхвований, / На злом пути цвели, – и мертвая луна / Прохладный яд несбыточных желаний / Вливала в них, ясна и холодна» [4, с. 264] («В стране безвыходной бессмысленных томлений...»). В «Тихой колыбельной» Сологуба образ бледной луны является предвестником, а, точнее, проводником смерти в мире живых – когда с небес проливает свой бледный свет луна, под окном бродит уставшая смерть: «Дремлет бледная луна. / Тихо в поле и в саду. Актуальные проблемы филологии 21 / Кто-то ходит у окна, / Кто-то шепчет: “Я приду”» [4, с. 357]; «Я косила целый день. / Я устала. Я больна» [4, с. 358]. Нередким выражением мистической сущности луны, несущей смерть, в поэзии диаволического символизма может служить несколько нетипичный образ кровавой или красной луны: «И в небесах, из темных туч, уныло / Взошла кроваво-красная луна» [2, с. 51] (К. Бальмонт, «Данте»); «Красная луна / Между елей тонет. / Всюду тишина, / Только филин стонет. / Лес молчит и спит, / Сон увидел чудный. / Кто-то был убит / Здесь, в глуши безлюдной» [2, с. 72] (К. Бальмонт, «Забывтая колокольня»); «Как всплывает алый щит над морем, / Издавна знакомый лунный щит» [5, с. 350] (В. Брюсов, «При свете луны»). Чары луны влияют не только на человека, она властвует над всем миром. В стихотворении Брюсова «Осеннее чувство» бледный отблеск луны символизирует угасание, умирание дня, несущего на себе символику жизни: «Гаснут розовые краски / В бледном отблеске луны...»; «Светлых вымыслов развязки / В черный креп облечены, / И на празднествах все пляски / Ликом смерти смущены» [5, с. 9]. Можно заметить, что в тексте диаволического символизма смертельная магия луны иногда передается месяцу, но, что показательно, мистический потенциал в таких случаях заметно ослабевает – образ смерти даже начинает демонстрировать почти реалистические черты: например, в стихотворении Брюсова «В старом Париже»: «Холодная ночь над угрюмою Сеной, / Да месяц, блестящий в раздробленной влаге, / Да труп позабытый, обрызганный пеной» [5, с. 22]. Только «растворение» месяца в водной стихии вновь позволяет «запустить» процесс восстановления роковой мистики луны: «Но труп позабытый, обрызганный пеной, / Безмолвен, недвижим в речном саркофаге. / Холодная ночь над угрюмою Сеной / Не помнит про подвиг любви и отваги, / И месяц, забыв, как дрожал пред изменой, / Безмолвен, раздроблен в речном саркофаге» [5, с. 22]. Таким образом, магическая сила луны в художественной реальности диаволического символизма несет негативный потенциал, направленный на бытие человека, определяющий его судьбу, влияющий на его жизнь и смерть.

Список литературы

- 1 Элиаде, М. Трактат по истории религий [Электронный ресурс] / М. Элиаде. – Режим доступа: <http://www.eliade.ru/traktat-po-istorii-religij>. – Дата доступа: 10.01.2013. Литературоведение 22 2
- Бальмонт, К. Избранное: стихотворения; переводы; статьи / К. Бальмонт. – М.: Худож. лит., 1980. – 742 с. 3
- Минц, З. Г. Понятие текста и символистская эстетика / З. Г. Минц // Блок и русский символизм: Избранные труды. Поэтика русского символизма. [Электронный ресурс] / Искусство. – СПб., 2004. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/mints/papers/poniatie.html>. – Дата доступа: 16.01.2013. 4
- Сологуб, Ф. Лирика / Ф. Сологуб. – Минск: Харвест, 1999. – 480 с. 5
- Брюсов, В. Я. Стихотворения / В. Я. Брюсов. – Минск: Наука и техника, 1981. – 560 с.